

В небе — с Клубовым

...В 1941 году в тяжелейшем воздушном бою был сбит ведомый Героя Советского Союза Клубова — Николай Карпов. Клубов вернулся с десятком пробоин в фюзеляже машины. В третьей эскадрилье, которой он командовал, свободных ведомых не оказалось. Ему порекомендовали взять Андрея Иванкова, только-только закончившего школу пилотов.

Первый боевой вылет. Он многое значит. Удача — и ты воспарив духом. Неудача — душевная травма, а то и смерть. Они взлетели вчетвером: А. Клубов—А. Иванов, Н. Трофимов — П. Кетов. Андрей держался за Клубовым. И первым увидел противника. «Фоккеры»! Четверо! Идут в лоб! Расстояние около двух километров. Взыграло сердце. Помня училищные наставления — при лобовой атаке не сворачивать, Иванов сам пошел «в лоб». Наметил цель, дал пристрелочную очередь из пушки, глянул влево, уверенный в том, что Клубов тоже видит противника и также идет в атаку. А слева никого: ни Клубова, ни второй пары. Мало того, что ведомый не предупредил ведущего, он оторвался от группы, оставил без прикрытия командира.

Иван развернулся и увидел вдаль три самолета. Свои! Скорее к ним! Да не тут-то было. Откуда ни возьмись, два «мессершмитта» свалились сверху. Андрей не растерялся, дерется и все норовит подойти поближе к своим. «Мессершмитты» же как увлеклись боем с одиночкой, что не заметили, как попали под трассы снарядов. Ведущего сбил Клубов, ведомого — Трофимов.

Ох, нелегко было Иванкову ожидать разбора. Шутка ли, в первом же бою бросил командира. К его удивлению, Клубов был совершенно спокоен, только карие глаза, составлявшие заметный контраст с льяными волосами, казалось, еще хранили отголоски минувшей схватки.

Иванков стоял, весь сжавшись, как бы ожидая удара. Он даже не сразу понял, что ему говорит Клубов.

— Знаешь, у тебя правильная тактика: здорово ты подвел их под наши пушки.

— Товарищ командир, я бросил вас и меня чуть не сожрали «мессы».

Клубов удивленно вскинул белесые брови.

— Как же так?

— Пошел в лобовую на «фоккеры», ну и оторвался.

— Каких еще «фоккеров»? Почему не предупредил?

— Я думал, вы сами видите.

— Куда же они делись?

— Должно быть, вниз ушли, товарищ капитан.

Клубов в задумчивости потер ладонью щеку со следами ожога.

— Ладно, — сказал он, — для других пусть это будет тактика, а для тебя лучшая из наук. За битого двух небитых дают.

Больше не было сдувая, чтобы Иванов отстал или оторвался от ведущего.

Второй боевой вылет над Яссами показал Иванкову, что такое 16-й гвардейский полк и что такое Клубов, да и сам он после этого боя «воспарил».

Из письма Андрея Петровича Иванкова:

«Нам приказали прикрыть с воздуха передний край. Подняли две восьмерки. Уже на подходе к передовой я увидел большую группу бомбардировщиков Ю-88 (у меня было очень хорошее зрение, я всегда видел противника раньше всех). Передаю Клубову: «Вижу справа ниже три группы Ю-88». Саша ответил: «Понял, вижу, заходим, атакуем».

И я увидел атаку Клубова, смелую, решительную, прямо-таки нахальную (другого слова не могу подобрать). Он полез в самую гущу «конкеров». По-другому мы,

видимо, эту группу и не разогнали бы, а так они рассыпались, и мы стали их бить на выбор. Всего за пять-шесть дней воздушного сражения под Яссами Саша сбил тринадцать самолетов противника: два с Колей Карповым и одиннадцать со мной.

Я поверил в себя, в свои силы. Исчезли сомнения. От Клубова в мою юную душу как бы перешла частица его отважной души.

Неудачи тоже учат уморазуму. Там же, под Яссами, вылетели восьмеркой на прикрытые переднего края. Группу сформировали второпях из разных эскадрилий.

У Клубова от перегрузки слетели наушники, он перестал меня слышать и в суматохе, приняв мою «юбру» за «мессершмитта», стал уходить по всем правилам воздушного боя пикированием. Уже у земли он вышел на прямую, я пристроился с ним рядом. И тут Саша выдал мне весь «боезапас» своего красноречия. Он решил, что я опять, как в первом бою, не предупредил его. Я жестом показал, что у него слетели наушники, а Клубов это понял как «у тебя не все дома!». Новая волна командирского гнева обрушилась на меня. Тогда я снял свои наушники и показав ему. Он все понял, надел наушники, и мы поспешили к товарищам».

Об этом случае Клубов, смеясь над самим собой, рассказал Покрышкину, и пошел гулять по полку анекдот, как Саша Клубов и его ведомый гонялись друг за другом и вели в воздухе непринужденный диалог.

Андрей все больше привязывался к своему командиру. С каждым днем раскрывалась перед ним красивая душа героя.

«Держаться за ним и оберегать было трудно, но я этому научился, — пишет Иванов. — Саша относился ко мне очень бережно, без меня уже не летал, в бою смотрел за мной и за товарищами, всегда был готов прийти на помощь, да и в быту армейском не жалел для товарища ни доброго слова, ни денег, если нужно было. Товарищи его любили, очень любили».

Десять месяцев, проведенных с Клубовым на фронте. Десять месяцев взаимной выручки, братства... И тот страшный миг, когда самолет Саши из-за неисправности выкатился за пределы посадочной полосы, попал колесами в щель и скапотировал...

По обычаю, заведенному в авиации, командир полка передал Иванкову часы — посмертный подарок ведущего своему ведомому. Часы с именной надписью были подарены Клубову главой американской самолетостроительной фирмы, выпускавшей для фронта «Аэрокобры». Они сейчас в музее.

Иванков после войны продолжал службу в Военно-Воздушном Флоте, стал командиром звена. Летал на реактивных.

Беда подкралась неожиданно-негаданно. После парашютных прыжков появилась боль в позвоночнике. Он долго скрывал ее — так не хотелось расставаться с небом. После операции почти полный паралич сковал тело. Действуют только руки. Те руки, что управляли самолетом в ста боевых вылетах.

Что говорить, жизнь в постели изо дня в день, из года в год нелегка. Но духовная бодрость не покидает ветерана. Ежедневно — зарядка, много читает, вяжет. Сам сочиняет и рассказывает сказки, и внуки ценят их выше книжных.

«Жить надо с поднятой головой, и я это делаю в меру моих сил», — пишет в письме А. П. Иванов. В стойком характере его есть доля клубовского мужества и отваги.

Л. ХАХАЛИН.